

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО
РЕЛИГИОЗНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО СТИЛЯ**
(на материале проповедей красноярских священнослужителей
и старейшин организации «Свидетели Иеговы»)

Тематическое своеобразие религиозного дискурса, особенности его иллокутивного потенциала послужили основанием для выделения особого религиозно-проповеднического стиля. Как отмечает Л.П. Крысин, в описании стилистической дифференциации современного русского литературного языка исследователи предлагают разные «наборы» функциональных стилей (см.: Крысин 1996: 135, а также: Виноградов 1963; Кожина 1993 и др.). Отсутствие в стилистических классификациях прошлого века функциональной разновидности, которая обслуживает сферу религии, было обусловлено снижением численности лиц, вовлеченных в религиозно-культурную сферу человеческой деятельности.

В последние десятилетия ситуация изменилась: расширение области распространения религиозной коммуникации способствовало актуализации некоторых специфических жанров, соотносимых с данной коммуникативной сферой (молитва, исповедь, проповедь, послание Патриарха по случаю Церковного праздника и др.) [Розанова 2003: 341].

Появились публикации, посвященные исследованию некоторых жанров религиозно-проповеднического стиля (см., например: Крысин 1996; Гостеева 1997; Грудева 1999; Векшин 2002 и др.). Наиболее типичный и вместе с тем специфичный жанр данного стиля – храмовая проповедь. Жанр проповеди характеризуется признаками, по которым религиозно-проповеднический функциональный стиль противопоставлен всем остальным. К ним относятся:

- частичное функциональное сходство с публицистическим стилем;
- обилие различных архаизмов, лексики, принадлежащей высокому стилю, и слов, обозначающих специфические понятия;
- синтаксические и фонетические особенности [Крысин 1996].

Некоторые из базовых признаков религиозно-проповеднического стиля характеризуют и внехрамовую проповедь (отдельные аспекты исследования рассматривались нами в: Захаренкова 2004; 2005).

Материалом нашего исследования послужили храмовые проповеди красноярских священнослужителей и внехрамовые проповеднические тексты религиозной организации «Свидетели Иеговы», веду-

щей активную проповедническую деятельность вне храма. Согласно установленным в организации правилам, произносить внехрамовую проповедь имеют право только старейшины – светские люди, не получившие религиозного образования и не возведенные в духовный сан.

Рассмотрим, насколько полно реализуются в проповеди признаки религиозно-проповеднического стиля и выявим специфику современного проповеднического текста.

Стиль проповеди близок к публицистическому, так как в нем значителен момент агитационной направленности при отсутствии высокой информативности: проповедуя слово Божие, священнослужители стремятся воздействовать на сознание слушателей и убедить их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни. Наряду со словами и выражениями, принадлежащими высокому стилю, – архаизмами (*благодарение, дарованный, ибо, дабы, призреть, тщица, отверзать, вдовица*), библеизмами (*блудный сын, подставить другую щеку, фарисеи, Эдемский сад, Вифлеемская звезда*), церковнославянизмами (*сим, созижду, яко, егда, прити, мя, человецы, сыне, Божие*), – активно используются риторические приемы и экспрессивно окрашенная лексика.

Проанализировав храмовые тексты, мы отметили характерную для них особую метафорику. Можно выделить метафоры, близкие современному человеку, его повседневной жизни (*гордыня, возгреваемая новейшими достижениями передовой науки; опускаться и замыкаться в своей роскоши; в душе народа не угасла проповедь добра*) и стертые метафоры библейского происхождения, имеющие определенное для современного языкового сознания значение (*оковы греха, очищение через Церковь, греховная тьма, свет Истины, открыть сердце*).

Для современной проповеди характерно частое употребление эпитетов (*червивое сердце, черное дело, пламенная молитва*), постоянных эпитетов (*благодатная жизнь Церкви, райское блаженство, обоюдоострый меч, темные силы*), сравнений (*подобно Иоанну; он как все; дьявол, сошедший как молния с неба; общество рассыплется, как ничтожная кучка песка*), перифраз (*иной мир, спасительное оконце*), оценочной лексики (*пагубно, змий-искуситель, смертоносное оружие, маразм и деградация общества*) в аргументативной части поучения.

Как показал анализ современных текстов, основным лексическим пластом храмовой проповеди являются библеизмы (70%), на втором месте – архаизмы (20%), а на третьем – церковнославянизмы (10%), причем священнослужитель стремится к максимальному сокращению последних с целью упрощения средневекового канона. Однако на данном этапе жанровой эволюции храмовой проповеди священник не может полностью исключить из своей речи некоторые элементы высокого стиля, затрудняющие, по его мнению, понимание со-

временным слушателем тех или иных библейских истин, и отказаться от церковнославянизмов. При авторской установке на выполнение разъяснительной функции цитата из Священного Писания приводится на церковнославянском языке, так как предполагает дальнейшее разъяснение («*”Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь...”*». *Хочу сказать о важности этого церковного песнопения. Иными словами...*») [Проповедь Красноярского архиепископа Антония в Крещенский сочельник. 2003]).

Различия в реализации религиозно-проповеднического стиля в храмовой и внехрамовой проповедях обусловлены историей становления и развития данных жанровых разновидностей.

Как отмечает Д.С. Лихачев, жанр храмовой проповеди был «трансплантирован» на русскую религиозную почву из литератур Болгарии и Византии. Уже в XI в. появились оригинальные произведения русских книжников [Лихачев 1979: 357]. Современная храмовая проповедь, несмотря на тенденцию к трансформации жанрового канона, во многом сохраняет черты средневековой традиции.

В отличие от храмовой, стандарт внехрамовой иеговистской проповеди начал складываться в 70-е годы XIX в. (вместе с возникновением в США самой организации). И если современная храмовая проповедь ориентирована на средневековую традицию произнесения проповеднического текста (проповедование Отцов Русской Православной Церкви), то внехрамовая – на западную (проповедование американских служителей), насчитывающую менее двух веков.

Стандарт внехрамовой проповеди характеризуется частичным вытеснением лексики высокого стиля (за исключением библеизмов). Старейшина ориентируется на адаптированный вариант Библии, поэтому цитаты приводятся только на русском языке, даже в случае установки на выполнение разъяснительной функции. Например: «*”Сегодня, когда услышите Его голос, не ожесточите ваших сердец!”* Смотрите: третий раз говорится о “Сегодня”, а это значит...» [Проповедь «Сохраняйте свою веру твердой до конца». 2004. 12 сент.].

Иеговистская проповедь также характеризуется обилием риторических приемов и экспрессивно окрашенной лексики. Отличие от проповедования священнослужителя заключается в том, что данные приемы в речи старейшины обусловлены не столько христианской традицией и личной инициативой автора, сколько тщательной разработкой штаба опытных риториков. Например, в речи старейшины используются метафоры («*духовное питание*», «*дела и заботы этого мира полностью поглотили нас*»), эпитеты (*грязные мысли, слабая совесть, затуманенный взгляд*), сравнения («*Этим они навлекли горе на себя и своих потомков. Подобным образом Сатана старается вводить в заблуждение и Божий народ сегодня...*»; «*говорят как враги*»),

оценочная лексика (*лживы и коварны, пагубное сектантство, вредное окружение, хитрые противники*).

Наряду с характерным для храмовой проповеди употреблением слов, связанных с наименованием чувств и с ментальной семантикой (*задумываться, обманываться, испытать*), во внехрамовом проповедническом тексте наблюдается частотное использование слов и выражений с семантикой конкретного действия (*присоединиться к религиозной группе, действовать организованно и сообща, успешно справляться с каждодневными трудностями, добиться успеха*). Для внехрамовых проповеднических текстов характерно доминирование лексем «успех». Старейшина утверждает, что служение Иегове – залог успеха как в этой, так и в будущей жизни. Только придерживаясь правил поведения, выработанных организацией, можно добиться успеха во всем: в профессиональной деятельности, в семейной жизни, в общении с другими людьми, во «взаимоотношениях с Богом».

Тексты современных храмовых и внехрамовых проповедников стилистически неоднородны. В речи храмовых проповедников можно обнаружить «светские» слова и выражения, что на фоне обычной для данного жанра лексики высокого стиля создает яркий стилистический контраст. Ср.: *«Даже криминальные сюжеты, свидетельствующие о нравственном падении человека, не становятся поводом для переосмысления нашей жизни, из которой ушли дарованные нам Творцом вечные духовные ценности...»* [Проповедь в Неделю Торжества Православия, произнесенная в Св.-Покровском Кафедральном соборе. 2005. 7 марта]; *«Воспитанные в мнимой своей «самостоятельности» и гордыне, возгреваемой новейшими достижениями передовой науки при новейших технологиях, облегчающих жизнь в очередном изобретении новейшей системы вентиляции и комфорта...»*; *«А возьмите криминальные случаи и ситуации, которые у нас в стране происходят... Слава Богу, общественность наша стала задумываться о смысле жизни, о красоте, о подлинной радости, которая тоже входит, как ни странно, в наше новое время, в то самое время, в котором главным и престижным стала одна-единственная цель – достичь богатства... вслед за так называемым «американским образом жизни» (выделено мной. – О.З.)»* [Проповедь Архиепископа Антония на открытии Четвертых Рождественских Чтений. 2003].

В отличие от храмовой проповеди, во внехрамовом проповедническом тексте мы отмечаем не только наличие, но и доминирование «светских» слов и выражений над лексикой высокого стиля. Необходимо отметить, что сопряженное с семантической дифференциацией языковое, а позднее стилистическое разделение, возникшее в средневековой храмовой проповеди и актуальное для современных текстов, не присуще внехрамовой проповеди. Старейшина может говорить о

«высоком» «светскими» словами. Отметим такие выражения, как «узнать, что думает по этому поводу сам Бог», «узнать точку зрения Бога», «важно иметь с Богом близкие взаимоотношения».

При анализе храмовых текстов нами были обнаружены и элементы разговорной речи. Приведем несколько характерных примеров из разных проповедей: «Посмотрите, в семьях богатых что творится...»; «...Достигнутого, открытий – море...»; «Хочется им ответить: простите, тогда вы сами отделены от народа...»; «Если мы историю духовную позволим затоптать, то, извините, на что же тогда нашей молодежи нужны будут и Репины, и Суриковы, и Чайковские, и Бетховены...».

Отметим такие черты литературно-разговорного синтаксиса, выявленные в храмовой проповеди, как использование вводных слов и словосочетаний с заметно выраженным оттенком разговорности («Но самая большая угроза, если хотите знать, в нас самих»; «Нет более неблагодарного занятия, чем, так сказать, просвещать непросвещенных»), лексические повторы («Верно! Верно!»; «Потерялся источник жизни, а восполнить его были не в силах ни пресса, ни все новые и новые свершения, ни новые и новые деяния...»), использование вопросительных и восклицательных слов: местоимений, наречий, частиц («Кого они критикуют? Что нового они могут сказать?»; «А Авраам был из бедных что ли?»). Приведем примеры разговорной фразеологии, также характерной для современной храмовой проповеди, – «Они чуть не упали, увидев, что православный батюшка Библию открыл...»; «Как ветром их сдуло»; «Лезут из кожи вон. А что доказали?» [Проповедь протоиерея «Не забывать главную цель...». 2003].

С нашей точки зрения, привлечение элементов разговорной речи священнослужителем связано с такими ее стилевыми признаками, как эмоциональность, оценочность и личностный характер речи.

Во внехрамовой проповеди важную роль в отборе лексического материала, особенно жаргонной лексики, разговорных и просторечных элементов (в отличие от храмовой проповеди, более частотных) играют разный уровень образования и достаточно молодой возраст старейшин (тридцать с небольшим лет). Приведем примеры из разных проповедей: «Иногда нам может показаться, что нас все напрягают», «На вас начинают гнать, нецензурно выражаться», «Многие люди говорят: «Ну как это так, вечно жить?»», «Ну вот все, теперь мы о Иегове знаем все», «Вот если бы нашу жизнь на 10, на 20 лет сделать подлиннее».

Кроме того, выявлены отдельные слова с разговорной стилистической окраской («Зачем эта шумиха?», «Если вы вконец устали...», «этаким критик»), слова, образованные с помощью стяжения словосочетания в одно слово («Это как жить в коммуналке», «море

сгущенки»). Нередко употребляются усеченные формы служебных слов («*Это сказано для того, чтоб все вы помнили...*», «*Хоть и не секрет для нас, а часто забываем*»; «*Что уж там?*»). Для синтаксиса внехрамового проповеднического текста характерно употребление эллиптичных предложений («*Он – ему*»; «*Вам – наследие*»). Частотными являются слова-предложения («*Почему? Хорошо. Для чего? Нет. Представляете? Работа. Дом.*»).

В храмовой и внехрамовой проповеди встречаются междометия и междометные фразы: «*Увы! Для многих жертв самоубийства и наркомании уже поздно, ибо ад поглотил свои жертвы навечно...*» [Проповедь Архиепископа. 2005. 5 апр.]; «*Когда сестры рассказывали об Армагеддоне, люди говорили: «Да мы уже так живем!»...(пауза) Ой, что я говорю? – о Новом Мире!*» (Проповедь «Как оставаться духовно бодрыми». 2005. 23 окт.). Использование междометий и междометных фраз во внехрамовом тексте часто обусловлено тем, что старейшина может просто забыть тот или иной текстуальный фрагмент.

Как показал анализ материала, в случае отклонения старейшины от стандарта неизбежны тавтология и ошибки в построении предложений. Например, «*если **сегодня** взять все **сегодняшние** ресурсы, которые **сегодня** только существуют*», «*хочу **спросить вопросы***», «***вновь и вновь** они **возобновляют**, не теряя надежды*» (возникновение тавтологии при повторении однокоренных слов).

Как отмечает Л.П. Крысин, для проповеднических текстов характерно частотное использование постпозитивных определений, выраженных прилагательными (слово *Божие*, род *человеческий*, *Царь Небесный* и т. п.), а также нанизывание однотипных конструкций, усиливающих эмоциональное воздействие высказывания [Крысин 1996: 136]. Данные типы конструкций используются и в храмовой, и во внехрамовой проповеди. Приведем характерные примеры: «*И будешь утверждаться в этой жизни во благо свое и во благо близких, во благо твоей будущей семьи, во благо будущих твоих детей, во благо нашего великого русского народа...*» [Слово Преосвященного Антония, произнесенное при освящении храма св. Матроны Московской в день Отдания праздника Успения Пресвятой Богородицы. 2005. 5 сент.]; «*Любовь побуждает нас снисходить к ошибкам других. Любовь побуждает нас помогать тем, кто оказался в беде. Любовь побуждает нас делиться благой вестью о Царстве Бога с другими...*» [Проповедь «Прежде всего имейте горячую любовь». 2004. 19 июля].

Как показал анализ собранного материала, проповедь старейшины отличается от проповеди священнослужителя, так как включает особенности официально-делового стиля. Об этом свидетельствует употребление полных наименований (*Всемирное главное управление Свидетелей Иеговы*), точных дат (*В 1931 г. Исследователи Библии пе-*

реименованы в Свидетелей Иеговы), книжной лексики (*представим вашему вниманию, приведем соответствующие факты*), частое употребление отглагольных существительных (*управление, выполнение, требование, развитие, обеспечение и др.*).

Другим важным отличием внехрамовой проповеди от проповедования священнослужителя является довольно частое использование приема иронии. Например, «...Тогда задается такой вопрос: «Почему Бог сделал такой большой мозг? Ну сделал бы, может, 10 %... Было бы легче нам голову на плечах носить! А тут 100 %...»; «Оставить Собрание – это равносильно то, что... Представьте себе Ной так, вдруг решил просто душ принять, поплавать и вышел из ковчега...» [Проповедь «Можешь ли ты жить вечно?». 2004. 17 окт.]. Эффективное использование данного приема – результат разработок опытных риториков. Ирония «закладывается» в текст. Она направлена на людей, не разделяющих религиозные убеждения иеговистов.

Вслед за Л.П. Крысиным мы отмечаем следующие особенности стиля храмовой проповеди в устной реализации: меньшая (чем в обычной устно-разговорной речи) редукция предударных и заударных гласных, различие фонем <о> и <а>, <э> и <и> в неударной позиции, более или менее последовательный [γ] в формах слов *Бог*, в словах с *благо-* [Крысин 1996: 138].

Священник заботится о правильном выговоре каждого звука, входящего в состав произносимых слов; умение ясно и правильно произносить отдельные звуки и звукосочетания, из которых строится речь, является фактором, определяющим успешное проповедование. Правила устной реализации церковного проповеднического текста продиктованы средневековым каноном. Отметим, что священнослужитель строго придерживается данных правил и не стремится к их разрушению. На фонетическом уровне власть традиции достаточно сильна.

Стиль внехрамовой проповеди в устной реализации не отличается данными особенностями, что обусловлено отсутствием прямой связи стандарта проповеди иеговистов со средневековой традицией. В отличие от храмовой проповеди, стиль произнесения которой можно охарактеризовать как *полный* (отчетливая артикуляция, тщательное произнесение всех звуков, неторопливый темп [Гойхман, Надеина 1997: 19]), проповедь старейшины в устной реализации является *нейтральной* (достаточно отчетливая артикуляция, но одновременно и некоторая редукция звуков [Там же]) или *разговорной* (нечеткая артикуляция, «проглатывание» звуков и слогов, быстрый темп [Там же: 20]). Например, характерно достаточно частотное [диавол] в церковной проповеди и [д'авол] или [двьъл] во внехрамовой.

Тем не менее апелляция к библейскому тексту и претензия на грамотное проповедование породили стремление некоторых старей-

шин приблизиться к каноническому произношению. Отметим тенденцию к произнесению слова *Бог*, слов с *благо-* с [γ].

Значит, современная храмовая проповедь характеризуется как общими признаками религиозно-проповеднического функционального стиля, так и новыми тенденциями, связанными с трансформацией средневекового канона. К ним относится лексико-стилистическое обогащение жанра и смешение стилей (использование «светских» слов и выражений, элементов разговорной речи на фоне традиционной для жанра высокой лексики).

Внехрамовую проповедь характеризуют как базовые признаки религиозно-проповеднического стиля (частичное функциональное сходство с публицистическим стилем, обилие библеизмов, частотность постпозитивных определений, выраженных прилагательными, нанизывание однотипных синтаксических конструкций), так и признаки, обусловленные оторванностью стандарта иеговистского текста от христианской средневековой традиции (частичное вытеснение лексики высокого стиля и доминирование «светских» слов и выражений, ориентация на адаптированный вариант Библии и цитирование только на русском языке, частотное использование слов и выражений с семантикой конкретного действия, использование элементов официально-делового стиля, частое использование приема иронии, отнесенность к нейтральному или разговорному стилю произношения). Языковые особенности внехрамовой проповеди обусловлены прямым влиянием на речь старейшины указаний опытных риторов Руководящего совета, а также социальными факторами (образованием и возрастом проповедника).

ЛИТЕРАТУРА

Векшин Г.В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной. М., 2002. С. 35 – 67.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 6 – 7.

Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. М., 1997.

Гостеева С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. Вып. 2. М., 1997. С. 92 – 104.

Грудева Е.В. Религиозная сфера и церковно-проповеднический стиль // Русский язык: история и современное состояние. Самара, 1999. С. 187 – 191.

Захаренкова О.С. Жанровые особенности современной проповеди (на материале текстов красноярских и железногорских священно-

служителей) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. Красноярск, 2004. С. 169 – 176.

Захаренкова О.С. Образ автора в современной храмовой проповеди (на материале текстов красноярских и железногорских священнослужителей) // Интеллект-2004: Сб. материалов Межрегиональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 2004. С. 171 – 173.

Захаренкова О.С. Религиозно-проповеднический стиль (на материале проповедей красноярских священнослужителей) // Материалы XLIII Междунар. научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. Новосибирск, 2005. С. 52 – 54.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993.

Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 135 – 138.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: Храмовая проповедь // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 341 – 363.